

ИСТОРИЯ

УДК 378(147+4)

С.В. Кондратьев, Т.Н. Кондратьева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ ПОРШНЕВЫХ В 1928 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ ЕКАТЕРИНЫ ФЕДОРОВНЫ ПОРШНЕВОЙ К МИХАИЛУ ИЛЬИЧУ РОММУ)

Статья написана с использованием материалов писем Е.Ф. Поршневой (сестры известного историка Б.Ф. Поршнева) прославленному режиссеру М.И. Ромму в 1928 г. и повествует о повседневной жизни семьи Поршневых. Материалы писем дают представление о составе семьи, ее материальном положении, знакомых и близких. В письмах освещены особенности быта советской интеллигенции конца 1920-х гг., столичной жизни, описаны поведенческие практики. В то время как большевистская власть пыталась организовать жизнь советского человека по-новому и говорила о «новом быте», в письмах Е.Ф. Поршневой невозможно обнаружить никаких его следов.

Ключевые слова: Е.Ф. Поршнева; М.И. Ромм; Поршневые; повседневность; быт.

Личный опыт, повседневные практики советских людей 1920-х гг. — тема увлекательная, хотя пока недостаточно исследованная. Универсальные модели, которые начали формироваться в годы Гражданской войны, в условиях НЭПа сильно трансформировались. В 1920-е гг. что-то властью директивно спускалось сверху, пропагандировалось средствами массовой информации, внедрялось методами политической коммуникации (разного рода собрания и пр.). Но Советскую Россию населяли разные люди с весьма самобытным дореволюционным опытом, к тому же само партийное руководство, где Сталин еще не доминировал абсолютно, в 1920-е гг. до конца не определилось. Образы жизни героев пьесы М.А. Булгакова «Собачье сердце» — профессора Преображенского и Швондера — пересекаются только тогда, когда последний с группой товарищей переступает порог квартиры профессора. Сергей Есенин, ощущающий неотвратимость и опасность перемен, пишет в 1924 г. о «развороченном бурей быте». Спустя три года (1927 г.) Николай Заболоцкий иронично описывает «новый быт» комсомольца, который очень похож на образ жизни дореволюционного мелкого купца или приказчика. Большевик С.А. Пионтковский в своем дневнике за 1928 г. сетует на то, что «новому быту» далеко до победы над старым. В купе поезда, следующего в Кисловодск, представители старого и нового быта представлены как 3 к 1: «Когда я ехал в вагоне, со мной ехали какие-то советские обыватели лечиться. Я узнал обо всем по дороге. И о цене на квартиры, и о цене на женские платья, о том, как какой-то знакомый ездил на минеральные воды с девицей, и пришлось потом делать аборт, одним словом, обо всем. А занимали эти почтенные лица три лавочки». Им он противопоставляет уборщицу из Нижнего Новгорода, везущую детей на Кавказ, которая говорит о Лермонтове и его дуэли. Резюме автора по поводу советского общежития не слишком оптимистично: «Вот вам в одном купе два быта. Новый быт еще слабый, пробивающийся, и мешанство, заполняющее вагон. Так и повсюду частник дерет, а над зданиями красные флаги» [1. С. 104–105]. Слова С.А. Пионтковского дают

понять, что идея нового быта пока еще не «инфицировала» людей. Под декларации о «новом быте» можно в силу разных причин и мотивов подстроится, но он отнюдь не стал повседневным устройством современности. Может быть, из-за недостатка данных или амбивалентности между официальными декларациями и повседневными бытовыми практиками современные попытки типологизировать жизнь советских людей (сконструировать модели) эпох НЭПа пока выглядят не слишком убедительно.

В настоящей статье мы постараемся показать повседневный мир семьи Поршневых. Любому отечественному исследователю известно имя Бориса Федоровича Поршнева (1905–1972), прославившегося франковедческими штудиями, которые были удостоены в 1949 г. Сталинской премии. Известны его изыскания в области истории общественной мысли, международных отношений, истории России, исторической психологии, причудливые попытки найти следы снежного человека и дерзкое стремление создать теорию происхождения людей.

В 1928 г. 23-летний Борис Поршнева учился в аспирантуре Института истории РАНИОН по секции Новой русской истории под руководством старого большевика В.И. Невского и уже упомянутого С.А. Пионтковского.

О семье Поршневых в 1920-х гг. сохранилось мало данных. В 1926 г. Б.Ф. Поршнева писал о тяжелом материальном положении («жил на средства брата»), которое он испытывал в 1924 г., что побудило его «взять работу секретаря в редакции журнала “Власть Советов”, издававшегося при Коммунистической академии». Секретарство в журнале «отнимало 6–7 часов ежедневно» [2. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211]. В ноябре 1924 г. в одной из анкет историк сообщал, что его семья состоит из трех человек: «Мать, сестра и брат. Мать и сестра не работают» [Там же. Ф. 350. Оп. 3. Д. 310. Л. 55]. Мать Б.Ф. Поршнева, как он указал в 1926 г., «нетрудоспособна» [Там же. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 214]. Дочь Б.Ф. Поршнева Е.Б. Поршнева замечает, что до 1924 г. основное бремя по содержанию семьи нес старший брат Георгий (Овка), у кото-

рого в это время «начались передраги в жизни», что заставило её отца устроиться на работу в журнал «Власть Советов», издающийся при Коммунистической академии [3. С. 548]. Судя по скудным данным, материальное положение семьи Поршневых в середине 1920-х гг. было трудным. Половина членов семьи, состоящей в 1924 г., видимо, из 4 человек, не работала.

Екатерина Федоровна Поршнева была старше своего знаменитого брата на два года. В дальнейшем она станет довольно известным математиком. В 1928 г. Е.Ф. Поршнева состояла в активной переписке с тогда начинающим, а позднее прославленным, обласканным властью кинорежиссером Михаилом Ильичем Роммом (1901–1971). М.И. Ромм был к этому времени уже давним знакомым Поршневых. В 1922 г. М.И. Ромм создал группу «Тр. без режиссера» (труппа без режиссера), куда кроме него входили его брат Александр, сестра Ида, Борис и Екатерина Поршневы [4]. Сам режиссер вспоминал об этом позднее так: «Я организовал любительский театр <...> Я совратил группу молодежи и погубил им, вероятно, целый год жизни своими постановками. Помещений у нас не было. Спектакли мы давали где придется». Спектакли эти были тоже самые “левые” из “левых”» [5. С. 19].

В фондах Российского государственного архива литературы и искусства находится 6 писем Е.Ф. Поршневой, адресованных М.И. Ромму в Иркутск, куда его призвали проходить годовичные курсы комсостава [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. 27 л.]. Все письма, кроме двух, датированы и относятся к 1928 г. Одно недатированное письмо относится, судя по оговорке в тексте, к 1925 г., второе, как видно из контекста, – к февралю 1928 г. Таким образом, в нашем распоряжении одно письмо 1925 г., четыре – января–февраля 1928 г., одно – конца мая 1928 г. Письма, за исключением небольших карандашных фрагментов, написаны фиолетовыми чернилами на обеих сторонах листа. Общий объем – 27 листов. Одно письмо содержит короткую карандашную приписку Б.Ф. Поршнева. Е.Ф. Поршнева отправляла письма в Иркутск либо с марками, либо как письма красноармейцу, без них, но шли такие экономящие письма, пишет она, «в четыре раза дешевле» [Там же. Л. 4, 6].

Судя по письмам, семья занимала две квартиры: одну на Арбате, вторую на Остоженке. Одна из квартир точно была коммунальной, ибо читаем: «В коридоре Розенталька ругается с полотером и звонит телефон» [Там же. Л. 7, 9]. В письмах Е.Ф. Поршнева постоянно упоминает братьев Бориса и Георгия (Овка), Иду Ильиничну Ромм (сестра М.И. Ромма), Александра Ильича Ромма (Санька) и Митю, который жил с ними как член семьи. Вероятно, это был какой-то очень близкий юноша, родственник Поршневых. Упоминаются исключительно по именам другие люди, установить которых не представляется возможным.

Е.Ф. Поршнева и М.И. Ромм находились в близких, дружеских отношениях. Она неизменно называет Ромма «Мурой», «Муркой», «Мурочкой», «Муреночком». Екатерина Федоровна предстает в письмах человеком эрудированным, начитанным, пишущим сти-

хи, играющим словами и курящим папиросы. Ее письма полны иронии и самоиронии. Письмо от 1925 г. было, вероятно, написано в ответ на какие-то сетования М.И. Ромма, который уже тогда, видимо, заявлял о своей избранности и величии. И ответ Е.Ф. Поршневой полон сарказма: «Твой ли голос слышу я, взывающий о поддержке к маленьким, скучным, обыкновенным человекам, маленькие жизни которых не стоят одного твоего дыхания? Да, полно, не грежу ли я?» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 13]. Все письма свидетельствуют о литературном даровании автора. Например, в описании того, как близкие восприняли его внезапную мобилизацию, есть такие строки: «Жалко Мурку, гудели телеграфные провода, скрипел снег под ногами, вздыхали друзья и знакомые, стучал прицепной вагон трамвая...» [Там же. Л. 1–1 об.]. Как-то повествуя о текущих событиях, Е.Ф. Поршнева поэтически витийствует: «Можно перейти сразу к самому последнему? Он еще живой, тепленький, трепещущий этот последний пунктик. Я не могу его оставлять на сладкое» [Там же. Л. 2]. Отдельные письма содержат стихи автора.

Изучив письма, мы попытались выделить в них наиболее значимые сюжеты.

Материальное положение семьи

Е.Ф. Поршнева нигде не жалуется на материальные тяготы. Только раз она вскользь упоминает о своей «закостенелой скупости и застарелом безденежье» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 6]. Материальное положение семьи 1928 г. было не столь печальным, как выглядит в описаниях Б.Ф. Поршнева 1924 г., ибо Поршневы содержали прислугу [Там же. Л. 14], ездили к морю, в Крым, могли снимать дачу в Подмосковье [Там же. Л. 24].

О мнимых и подлинных болезнях

В письмах часто упоминается некая Наталья. В феврале она находилась в санатории и лечилась, как ей, видимо, самой казалось, от туберкулеза. За время пребывания в санатории она набрала в весе 7 фунтов, на что А.И. Ромм сказал: «Все 7 налицо», – а Б.Ф. Поршнева добавил: «Толщина ей к лицу». По причине болезни эта Наталья ходила с баночкой, в которую плевалась. Сама Наталья иронизировала над собой, говоря, «что ей в трамваях стало теснее» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 3–4]. С упомянутой Натальей у Е.Ф. Поршневой случались конфликты [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 8]. Наталья болела, упоминается еще раз: «Она вообще ничего последнее время, но все-таки хлябенькая и слегка подсыкивает. Я стараюсь ее беречь по мере сил и обращаюсь как с игрушкой. Все кругом близкие и далекие ругают ее за то, что она “опустилась”: не одевается, ходит в грязной черной кофте, грызет ногти, спит все неслужебное время и не хочет одевать светлых чулок. Она от этого внутри падает духом и огорчается, а снаружи ссорится со всеми, углубляется в самую независимую самостоятельность, и с каким-то особенным, ей при-

сущим сладострастным гонором, с удвоенной энергией грызет ногти, одевает черную кофту». Екатерина Федоровна по-житейски тут же приписывает рецепт от Натальиных болезней: «Знаешь, мне кажется <...> Наталье бы оч[ень] хорошо завести себе ребеночка». Это решение кажется Е.Ф. Поршневу «очевидным, веселым, всеразрушающим выходом» [б. ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 18 об. – 19].

Упомянут некий Федька, из-за неизвестной болезни которого она прервала на полуслове одно из писем почти на месяц. Болезнь Федьки не могли распознать, думали даже на аппендицит, «собирались его резать», было 12 докторов, и каждый говорил свое, а мы бесились: не спали, не ели, жили вперемежку между Арбатом и Остоженкой, успокаивали, волновали и ругали друг друга, словом вели себя согласно принципам и традициям нашего семейства. Сейчас он поправляется, но еще оч[ень] тощий, дохлый и жалкий» [Там же. Л. 7].

В мае Е.Ф. Поршнева пишет о каком-то Андрюшке, который «в легкой форме» заболел скарлатиной, из-за чего все пребывают в «строгой изоляции».

Концерты, театры и конотеатры, развлечения

В письмах упомянуты театральная пьеса «Дни Турбиных» М.И. Булгакова [б. ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 4], посещение концерта итальянского пианиста Карло Цекки [Там же. Л. 9–9 об.], перечислен репертуар кинотеатров начала января. В них показывали «Варьете», «Второй брак», «Три мушкетера» и французский фильм «La Roue» (Колесо) [Там же. Л. 3]. В конце февраля семья намеревалась «сходить к Мейерхольду на “Горе от ума”» [Там же. Л. 26]. В майском письме Е.Ф. Поршнева упоминает приезд из «Питера» некой Ольги, которую водили в «оперетку “Людовик...надцатый”», ибо «приличные театры все кончились», а также «катали на лодке, снимали на бульваре, водили на бульвар, показывали дома» [Там же. Л. 23].

О брате Овке

Присутствует в письмах брат Овка, т.е. тот самый Георгий, который содержал Б.Ф. Поршневу в 1924 г. Сообщается, что он в конце января – начале февраля 1928 г. вернулся из США «розовый, веселый, в сером костюме и фетровой шляпе с 2 флоридскими аллигаторами и 3 черепахами, еще он привез с собой 4 чемодана с книгами и фотографиями, красную кофту с вязанным поясом Борису, кожаную подушку с изображением индейца мне и резинового надувного слона Федьке». По словам Е.Ф. Поршневу, «материалистически настроенные родственники и друзья» ругали брата, видимо, за неправильную трату денег. Она же одобряла и сообщала, что крокодилы едят мясо раз в неделю. Далее шутливо приписывала: «Принимаем подписку на крокодиловых щенят». В конце февраля уже сообщается, что «Овка омосковился вконец, хотя рассказывает об Америке еще много» [б. ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 7–7 об., 19 об.].

В самом первом письме от 2 января Е.Ф. Поршнева сообщает М.И. Ромму, что провела новогодние праздники (5 дней) в Ленинграде. С собой она брала Бориса и Митю. Они навестили знакомых в разных местах города. Видели «свежевыкрашенный в зеленую с белым и черным» Зимний дворец, Казанский собор, Исаакиевские колонны, ворота на Мойке, «снежных львов на стрелке» Васильевского острова, «были на островах», где «оснеженные колонны». Судя по последней, блоковой, уточняющей строчке, упомянуты Елагин, Крестовский и Каменный острова Санкт-Петербурга. Е.Ф. Поршнева добавляет, что встретили приехавшего, видимо, отдельно в Ленинград старшего брата М.И. Ромма А.И. Ромма, поэта и переводчика, с которым они дважды встречали Новый год. Она гротескно описывает эти совместные две встречи Нового года так: «Он был ошеломлен, он не привык к таким встречам! Ах! Он так наивен и молод! Он хотел еще третью ночь, но мы уехали». Назад добирались «без плацкарты, на третьих полках». В Москве, добавляет она, «ничего хорошего: холодно <...> снежно» [б. ф. 844. Оп. 4. Д. 223. 2–3, 5 об.].

Зимой Ида Ромм окончила университет, «каковое событие скромно, но торжественно было отпраздновано в воскресенье 12 сего февраля». Кроме родственников «бенефициантки» присутствовали друзья, среди которых Е.Ф. Поршнева упоминает брата Бориса, Д.Ю. Панова (в будущем известного физика), Д.С. Богдановского (начинающего филолога и лингвиста) с женой и неизвестного поэта М. Грешных, рукописи которого она в другом письме называет «хламом» [Там же. Л. 8–8 об., 20 об.].

Спустя две недели Е.Ф. Поршнева сочно описывает окончание Масленицы: «Мы ели блины, пили водку – (слово не разборчиво. – Авторы) с лимонными корочками (вчера был последний день масленицы), философствовали, долго и бурно ругались о математике (математику, собственно, ругали Санька и Борис, а мы с Митей ругали их), потом стали ругать марксизм, пока Ида не рассердилась и не предложила нам заняться чем-то нейтральным вроде биологии. Мы быстро согласились и стали спорить о том, какая разница между амфибиями и рептилиями. Так это и не выяснилось, т.к. мнения разошлись, а настроение было возбужденное» [б. ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 18–18 об.].

На свой день рождения, 7 марта (22 февраля) 1928 г., Б.Ф. Поршневу получил в подарок «Декамерон» Бокаччо издательства «Academia» и «дюжину тарелок», а вечером семья отправилась развлекаться в цирк [Там же. Л. 26 об.].

Быт

Е.Ф. Поршнева скупа на описание бытовых неприятностей. Она сообщает: «Я теперь хозяйничаю, т.к. мать живет уже три недели на Остоженке безвыходно. Стою в очередях, мою посуду, стираю, убираю и ругаю мальчишек за антиобщественные инстинкты вроде кидания окурков и грязн[ых] нос[овых] платков на

пол, едение рыбы при помощи вилки и тарелки, которые мне потом мыть приходится, выливание в умывальныйник старого чая, от которого застывает водопровод и пр. Впрочем, это относится только к Борьке и Мите, Овка почти безупречен» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 8 об. – 9]. «Я тоже стою в очередях, Мурочка, и меня тамошний народ любит за высокий рост (за мной от ветра хорошо прятаться) и за ровный характер» [Там же. Л. 20 об.].

О московской погоде и повседневной Москве

Е.Б. Поршнева находит возможным вскользь обрисовать московскую погоду. В январе в Москве «было холодно, телеги снега». В феврале: «У нас бывает то холодно, то тепло, от этого все удивляются, путаются и простужаются. Ходят кто в шубах, кто в трусиках, кто в пижаме, а на всесоюзной спартакиаде конькобежцы состязаются с пловцами. Сейчас с супротивной крыши скидывают снег, и очень светит солнце» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 3, 9].

Одно из писем содержит шутивную зарисовку о февральской Москве, слегка напоминающую «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова: «В Москве ходят трамваи, бегут автобусы, носятся такси (“не роскошь, а культурная необходимость”, так всюду написано), толкаются советские служащие, пишевики, деревообделочники, металлисты и пр. Медленно тащатся длинные обозы ломовиков, скребущих полозьями голые булыжники и везущих неведомо куда и откуда горы снега, еще медленнее движется еще более длинная очередь за мукой, маслом, сметаной, яйцами, молоком и др[угими] продуктами.

В Москве еще есть телефоны, громкоговорители, милиционеры постовые и великопостные, кинточки и персифансы. Много людей в Москве носят кавказские бекешки и капсюльки на груди. Это модно, но мало кому к лицу» [Там же. Л. 20–20 об.].

Об ученых занятиях

В феврале: «У меня на столе лежит толстая книжка “Vorlesungen über Zahlentheorie” Landau (*«Лекции по теории чисел» немецких авторов Леопольда Кро-*

некера, Эдмунда Ландау и Гельмута Гессе. – Авторы) и раковина с Тихого океана. В субботу буду доклад читать» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 9]. О докладе сообщено дополнительно: «Я, Мурочка, третьего дня доклад читала по теории чисел. Ничего себе вышел доклад, только я в середине стул опрокинула, но не смутилась и, подобравши стул, продолжала с меньшим вдохновением» [Там же. Л. 19 об.].

Отдых, море

Первое повествование Е.Ф. Поршневой о море и отдыхе относится к 1925 г. Она вкратце описывает свое пребывание у моря, длящееся 27 дней, сетует на скверную погоду и на то, что набрала лишнюю пару фунтов веса. Все описание отдыха укладывается в несколько знаковых слов: «вино <...> хорошее настроение, 2 англичанина, 1 поляк, 6 евреев, 1½ русских, 1 балкон, 1 луна и 5555 москитов» [6. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 15 об.].

В феврале уже лечившаяся в каком-то санатории Наталья в конце мая, сообщает Е.Ф. Поршнева, отбывает вновь в санаторий «Высокие горы» в Москве, который «хвалят». «А главное, – добавляет она, – Наталья про Кавказ говорила, что там было как на каторге, а здесь все-таки, вроде как, Бутурки – я думаю, это лучше». Сами Поршневы в конце мая едут на поезде искать дачу в Малаховке или Барвихе. Если не найдут, отмечает она, то они «с Борькой опять поедут в Крым» [Там же. Л. 23–24 об.].

Таким образом, в письмах Е.Ф. Поршневой невозможно обнаружить никаких следов декларированного или даже декретированного властью «нового быта». Зато присутствуют следы недекретированного нового быта вроде очередей и коммунальных квартир. В остальном письма наполнены заботами о близких, рассказами об их удачах, болезнях и неурядицах. Очевидно, что Поршневы, насколько позволяли материальные возможности, не собирались расставаться с привычным с дореволюционных времен образом жизни. Реплика Е.Ф. Поршневой о том, что они ругали марксизм, заставляет более внимательно отнестись к стереотипным утверждениям о последовательном марксизме Б.Ф. Поршнева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / под ред. А.Л. Литвина. Казань, 2009.
2. Архив Российской Академии наук.
3. Поршнева Е. Реальность воображения (записки об отце) // О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб. : Алетея, 2007. С. 539–575.
4. URL: <http://www.kinomosorka.ru/directors-mikhail-romm.html>
5. Ромм М.И. О себе, о людях, о фильмах. М., 1982.
6. Российский государственный архив литературы и искусства.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 августа 2015 г.

EVERYDAY LIFE OF THE PORSHNEV FAMILY IN 1928 (BY THE CORRESPONDENCE OF EKATERINA PORSHNEVA WITH MIKHAIL ROMM)

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 142–146. DOI: 10.17223/15617793/400/23

Kondratiev Sergey V. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: skondratiev@utmn.ru

Kondratieva Tamara N. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ktamara1960@yandex.ru

Keywords: Ekaterina Porshneva; Mikhail Romm; the Porshnev family; everyday life; mode of life.

The article is based on the correspondence of Ekaterina Porshneva (the older sister of prominent Soviet historian Boris Porshnev) which she kept with eminent film director Mikhail Romm in 1928. The letters show a person of deep erudition, profound knowledge of literature, writing poems, playing with words, and smoking cigarettes. Her letters are full of irony and self-irony. The authors note that the universal models that emerged during the Civil War were greatly transformed in the time of the New Economic policy (NEP). In the 1920s, some rules of life were prescribed by the power, promoted by the media, introduced by political communication methods (various kinds of meetings and so on.). But the Soviet Russia was populated by different people with a very diverse pre-revolutionary experience. Besides, in the 1920s the Bolshevik Party leadership, where Stalin was not a completely dominant figure yet, did not fully define the mode of life. For different reasons and motives, the coinage "a new way of life" could be adjusted to, but in reality the "new way of life" did not become an everyday device of the time. Perhaps due to the scanty and fragmented data or the ambivalence between official declarations and everyday household practices, modern attempts to typologize the life of the Soviet people (to construct models) of the NEP epoch have not fully succeeded yet. The correspondence gives an idea about the Porshnev family's daily life, the family members, their economic standing, friends and acquaintances. The content of letters is grouped according to the specific subjects: "the financial situation of the family", "on imaginary and real diseases", "concerts, theater and movie entertainment", "about brother Ovka", "about celebrations and feasts", "order of life", "on Moscow weather and daily Moscow", "about the advancement of learning", "vacation, the sea". The letters provide insight into details of the Soviet intelligentsia's lifestyle in the late 1920s, their typical behavior, and the peculiarities of the Moscow life. Back then, the Bolshevik government was endeavoring to reshape the Soviet people's life, and the recently-coined phrase "the new way of life" became a key idea of the official discourse. However, there is no hint of it in Ekaterina Porshneva's letters. References to another way of life, undeclared and undecreed by the official power, are found there instead, for instance, queues and "communal apartments". Other than that, the letters abound in worries about the family and friends, stories about their ups and downs, illnesses and everyday problems. It is evident that the family members were not going to give up the lifestyle they had been used to since the pre-revolutionary times as far as they could afford it.

REFERENCES

1. Litvin, A.L. (ed.) (2009) *Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934)* [Diary of historian S.A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan: Kazan State University.
2. Archive of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
3. Porshneva, E. (2007) Real'nost' voobrazheniya (zapiski ob ottse) [The reality of the imagination (notes about father)]. In: Porshnev, B.F. *O nachale chelovecheskoy istorii. Problemy paleopsikhologii* [Beginning of human history. Problems of paleopsychology]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. *Director Mikhail Romm*. Available from: <http://kinomusorka.ru/en/directors-director-mikhail-romm.html>.
5. Romm, M.I. (1982) *O sebe, o lyudyakh, o fil'makh* [About myself, about others, about the films]. Moscow: Iskusstvo.
6. Russian State Archive of Literature and Art. (In Russian).

Received: 23 August 2015